

Отвѣтъ на письмо неизвѣстнаго.

Не запрещайте; ибо кто не противъ васъ,
тотъ за васъ.

Лук. 9, 50.

По поводу *Толковъ объ Л. Н. Толстомъ* мною получено письмо, никакимъ именемъ не подписанное, но поразившее меня и глубокою искренностью тона и существенностью вопросовъ, которыхъ оно касается. Много нынче говорящихъ о благѣ Россіи, о ея назначеніи, объ ея нуждахъ и обязанностяхъ; неизвѣстный авторъ привелъ меня въ удивленіе тѣмъ, что заговорилъ о себѣ, о потребностяхъ своего ума и сердца, т.-е. о томъ предметѣ, о которомъ прежде всего и больше всего долженъ думать каждый человѣкъ, и отъ котораго зависитъ все остальное. Такое настроеніе мыслей мнѣ сочувственно въ высшей степени; это не «мѣдъ звенящая и кимвалъ бряцающій», а голосъ, въ которомъ отзывается душа говорящаго. Тѣмъ болѣе мнѣ хотѣлось бы дать нѣкоторый отвѣтъ на строгое осужденіе моей статьи, произносимое этимъ голосомъ. Приведу здѣсь письмо неизвѣстнаго цѣликомъ, не выпуская ни слова; буду только прерывать его своими объясненіями.

„М. Г. Позвольте мнѣ, заурядному русскому читателю, просто, и откровенно высказать вамъ свое впечатлѣніе отъ статьи вашей въ сентябрьской книжкѣ *Вопросовъ Философіи и Психологіи*. „Прочитавъ этотъ восторженный панегирикъ Л. Н. Толстому отъ писателя, который всегда взвѣшиваетъ и цѣнитъ то, что говорить, которому нельзя не вѣрить, я почувствовалъ себя въ положеніи человѣка, когда отнимаютъ у него самое драгоценное и святое его достояніе, безъ чего ему трудно и представить свое существованіе. «Боже мой,—неволью вырвалось у меня,—да что же такое, наконецъ, есть истина? Гдѣ она? Зачѣмъ су-

„ществуеть въ языкѣ это слово, когда понятіе, имъ обозначаемое, „есть нѣчто въ высшей степени спорное и условное?“... Въ самомъ дѣлѣ, до сего времени мы, т.-е. я, на ряду со всѣми, думали, „вѣрили, что абсолютная истина находится въ Православной Ка- „ѳолической Церкви, которая есть единственная хранительница ея „чистоты и неприкосновенности, и что, слѣдовательно, тамъ и „слѣдуетъ искать удовлетворительныхъ отвѣтовъ на тревожные „вопросы человѣческаго духа. Оказывается, что нѣтъ; такая вѣра „въ церковь есть результатъ стараго невѣжества, духовной лѣ- „ности и суевѣрія. Насъ настойчиво и соблазнительно приглашаютъ „къ другимъ учителямъ, къ другимъ, просвѣщеннѣйшимъ автори- „тетамъ. За кѣмъ же идти, кого слушать—Толстого или церковь, „имъ *отвергаемую* и *хулимую*?“

Такова общая постановка дѣла, та мысль и то чувство, на основаніи которыхъ неизвѣстный осуждаетъ мою статью. «Гдѣ истина?» спрашиваетъ онъ, гдѣ «слѣдуетъ искать удовлетвори- тельныхъ отвѣтовъ на тревожные вопросы человѣческаго духа?»— и упрекаетъ меня за то, что я будто бы приглашаю его покинуть авторитетъ церкви, составлявшій для него «самое драгоценное и святое достояніе», и настойчиво предлагаю слѣдовать другому авторитету.

Понятно, съ какимъ чувствомъ произносятся столь важные упреки, а между тѣмъ моя статья ихъ вовсе не заслуживаетъ. Авторъ письма, очевидно, съ тревогою искалъ у меня отвѣта на вопросъ, который очень его занимаетъ, но котораго я вовсе не касаюсь. Именно, я ничуть не брался указывать, гдѣ истина; я ни слова не говорилъ ни съ авторитетѣ церкви, ни объ отноше- ніяхъ Л. Н. Толстого къ этому авторитету; я не разбиралъ ни- какого положенія, никакого ученія и не предлагалъ слѣдовать тому или другому.

Отъ всего подобнаго я воздержался именно потому, что вполне понималъ важность этихъ вопросовъ, зналъ, какъ трудно объ нихъ говорить, и вовсе не хотѣлъ ихъ касаться. Если искать въ моей статьѣ какого-нибудь положительнаго указанія, то можно увидѣть развѣ одно, — что нужно слѣдовать Христу; но и этого я прямо не говорю. Въ статьѣ моей нѣтъ никакихъ намековъ и подразу- мѣваній; цѣль и смыслъ ея совершенно просты и ясны. Миѣ хо- тѣлось отчетливо показать истинную серьезность, чрезвычайную глубину религиознаго стремленія у Л. Н. Толстого; я старался

«объяснить, что въ основѣ этого стремленія лежатъ нравственныя требованія, что они присутствуютъ во всемъ, что онъ писалъ и дѣлалъ; я указывалъ на его горячія, неутомимыя исканія, на то, какъ эти исканія привели его къ Христу; наконецъ, я сопоставилъ это явленіе съ состояніемъ нашего общества, сбившагося со всѣхъ путей и страдающаго пустотою и нравственными уродливостями, и заключилъ, что поворотъ умовъ, произведенный Л. Н. Толстымъ, имѣетъ благотворное значеніе и дѣйствіе.

Таково содержаніе моей статьи. Если я тутъ что-нибудь проповѣдывалъ, то, кажется, проповѣдывалъ то, противъ чего никто не можетъ возразить. Нравственная чуткость и серьезность, полная преданность требованіямъ совѣсти, исканіе истины всею душою, чтеніе и изученіе Писанія, пожертвованіе всякими низшими благами ради высшихъ,—вотъ чему я писалъ «панегирикъ», чему «настойчиво приглашалъ слѣдовать». Т.-е. я собственно хвалилъ не какое-нибудь «слѣдованіе», а лишь неустанную работу ума и совѣсти.

Авторъ письма замѣтилъ эту мою главную тему. Хотя сперва онъ приписалъ мнѣ вопросы, за которые я не брался, но вслѣдъ за приведенными словами онъ пишетъ:

„Говорятъ: ступайте къ самому источнику вѣры, къ Евангелію, „читайте и просвѣщайтесь. Легко сказать: «читайте и просвѣщайтесь». Я очень хорошо знаю просвѣтительную силу Слова Божія, „но знаю также и то, что умъ мой, сердце мое загрязнены, не „чисты, что въ нихъ, какъ въ неопрятныхъ сосудахъ, Слово Божіе легко можетъ замутилось, отразиться въ ненастоящемъ своемъ „видѣ и смыслѣ. Зная это, я и спрашиваю, къ кому же идти,— „къ Толстому, или къ матери Церкви? Л. Н. Толстой отрицаетъ „Церковь, признаетъ лишь свою совѣсть, свой личный разумъ „мѣриломъ истины (это ли не рационализмъ?), но слѣдовать за „нимъ по этой дорогѣ положительно опасно, да и нельзя, потому „что я не вѣрю ни въ чистоту своей совѣсти, ни въ непогрѣшимость своего разума“.

Вотъ постановка дѣла очень ясная, внушенная, очевидно, сердечнымъ пониманіемъ самаго существа дѣла. Дѣйствительно, главнѣйшій, глубочайшій нашъ вопросъ есть сознаніе нечистоты нашей совѣсти и непогрѣшимости нашего ума. Если въ насъ живо это сознаніе, то мы чувствуемъ настоятельную надобность въ помощи, въ руководствѣ. Отсюда понятно, какой существенной

потребности удовлетворяетъ авторитетъ церкви, какъ хранительницы истины, почему этотъ авторитетъ можетъ быть названъ «самымъ драгоценнымъ и святымъ достояніемъ» человѣка.

Но на этихъ общихъ положеніяхъ нельзя же остановиться. На томъ основаніи, что совѣсть наша не чиста, а умъ погрѣшимъ, мы не должны и не можемъ вовсе отказываться отъ дѣйствія своей совѣсти и своего ума. Напротивъ, какъ скоро въ совѣсти и умѣ проснулось сознаніе ихъ недостаточности, они должны употреблять всѣ усилія довести это свое сознаніе до отчетливаго пониманія, а затѣмъ и бороться противъ этой недостаточности. Намъ слѣдуетъ не коснѣть въ чувствѣ своей слабости, а напротивъ всѣми мѣрами возвышать чуткость нашей совѣсти и нашего разума. Только въ такомъ случаѣ мы будемъ усердно искать руководства и помощи, и только въ такомъ случаѣ они могутъ быть намъ полезны. Хотя душа наша есть «загрязненный и неопрятный сосудъ», но мы ничего не можемъ воспринять иначе, какъ этимъ сосудомъ. Если мы не будемъ заботиться объ его очищеніи, то загрязнится и исказится самое чистое содержаніе, которое будетъ въ него влито.

Но, кажется, намъ нужно взглянуть на нашу бѣду еще съ другой стороны. Мы дурны и жалки не потому, что указанія нашей совѣсти не всегда вѣрны, и что умъ нашъ легко впадаетъ въ погрѣшность, а больше всего потому, что мы не слѣдуемъ самымъ яснымъ указаніямъ совѣсти, и что мы не работаемъ своимъ умомъ. Совѣсть и умъ, если не сняты въ насъ совершенно, то почти всегда только дремлютъ, а не бодрствуютъ. На качество нашей совѣсти и нашего ума часто мы не въ правѣ особенно жаловаться. Попробуйте спросить кого-нибудь изъ насъ о его нравственныхъ понятіяхъ, и вы увидите, что почти всѣ мы недурно различаемъ добро отъ зла; попробуйте испытать у насъ силу ума, и вы найдете многихъ, способныхъ ясно судить и понимать. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго: мы воспитаны въ христіанствѣ, мы растемъ на книгахъ, и съ дѣтства намъ доступны примѣры и наставленія древнихъ и новыхъ мудрецовъ, мыслителей и великихъ писателей. И между тѣмъ, мы остаемся слабыми и дурными людьми. Наша совѣсть сознательно отступаетъ передъ малѣйшимъ соблазномъ и подается передъ самымъ легкимъ давленіемъ. Нашъ умъ грѣшитъ больше всего не тѣмъ, что ошибается, а тѣмъ, что обращенъ на потѣху нашего тщеславія,

отворачивается отъ предметовъ важныхъ и глубокихъ, уклоняется отъ всякаго усиля, довольствуется словами и верхушками, не движется твердо, а только зыблется по вѣтру. Чрезвычайно рѣдко можно найти людей, которые искренно и усердно служатъ своей совѣсти и своему уму, — и это соль земли, спасающіе насъ праведники. Не мало, конечно, такихъ, у которыхъ совѣсть и умъ искажены, но первый признакъ этихъ людей тотъ, что они служатъ какимъ-нибудь другимъ богамъ. Обыкновенное же явление то, что люди обладаютъ и довольно чистою совѣстью, и довольно свѣтлымъ умомъ, слѣдовательно, вполне могли бы быть добрыми и правомыслящими, а между тѣмъ не имѣютъ ни истинной доброты, ни правильныхъ взглядовъ, и только развѣ иной близкій знакомый знаетъ, что *въ душѣ* они вовсе не безсовѣстные и пустые люди. Недостатокъ серьезности въ душахъ — вотъ самое обыкновенное зло. Жизнь становится теперь все легче и легче, и, можетъ быть, потому падаетъ въ насъ душевная энергія, суживаются и мельчаютъ наши радости и горести. уменьшаются размѣры всякаго напряженія. Вотъ въ какомъ отношеніи въ Л. Н. Толстомъ, мнѣ кажется, можно видѣть великій и поучительный примѣръ; онъ образецъ истинной серьезности въ дѣлахъ ума и совѣсти. Для него стали важнѣйшимъ дѣломъ жизни тѣ «тревожные вопросы человѣческаго духа», о которыхъ говорить авторъ письма и которые другихъ тревожатъ такъ слабо, что не имѣютъ никакого значенія въ ихъ дѣятельности. Вотъ чему я «настойчиво приглашаю слѣдовать», если можно такъ истолковать чисто аналитическій тонъ моей статьи. Постоянная работа, неустанный трудъ ума и совѣсти, — таково условіе, безъ котораго намъ будетъ бесполезна всякая помощь и руководство, и при которомъ мы непременно выйдемъ на правильный путь. Рационализма я не проповѣдывалъ; напротивъ, я сказалъ, что онъ невозможенъ. Но всегда нужно опасаться, какъ бы мы, отрицая безусловный рационализмъ, не вздумали при этомъ отказываться отъ своего ума и своей совѣсти.

Письмо продолжается такъ:

„Я не вѣрю ни въ чистоту своей совѣсти, ни въ непогрѣшимость своего разума. Положеніе, какъ видите, было бы весьма „серьезное и трагическое, если бы я имѣлъ несчастье оторваться „отъ народа, какъ большинство нашей интеллигенции. Вы указываете на народность идей графа Толстого, на чистый источникъ.

„откуда почерпнуто имъ его настоящее міросозерцаніе; но смѣю „увѣрить васъ, да вы и сами это знаете, что между религиозными „миѣніями автора *Исповѣди* и *Въ чемъ моя вѣра* и нашимъ «на- „роднымъ духомъ» и народными идеалами цѣлая, непреходимая „бездна“.

Какъ видятъ читатели, здѣсь противъ меня выставлены только голословныя утвержденія, а потому и отвѣчать я могу голословно. Статья моя настаивала на сходствѣ воззрѣній Л. Н. Толстого съ народными воззрѣніями; авторъ письма настаиваетъ на ихъ различіи. Но вѣдь тутъ нѣтъ еще противорѣчій, ибо великое различіе въ одномъ отношеніи не мѣшаетъ великому сходству въ другомъ отношеніи. Различія я не скрывалъ; напротивъ, доказывалъ, что мы всѣ въ этомъ случаѣ не можемъ достигнуть полного тождества. Это нужно всегда помнить, а также и то, что, какъ скоро намъ открылось внутреннее глубокое сходство, всякія различія уже не могутъ имѣть первостепеннаго значенія. Очевидно, тутъ все зависитъ отъ нашего взгляда на самое существо дѣла. Въ этомъ отношеніи я убѣдился, что у насъ господствуютъ чрезвычайно смутныя и неправильныя понятія, и, къ великому сожалѣнію, почти вовсе нѣтъ попытокъ разъясненія и исправленія этихъ понятій, а существуетъ въ избыткѣ только вражда и пререканія. Почти нельзя говорить, потому что не на что опереться, нѣтъ въ умахъ ни одной вполне твердой и ясной точки. Приходится мнѣ здѣсь лишь голословно повторить, что, усердно и долго вникая въ эти вопросы, я не могу думать иначе, чѣмъ думаю, т.-е., что есть величайшее и коренное сродство между народными воззрѣніями и настроеніемъ Л. Н. Толстого. Эти слова, разумѣется, немного значатъ, если не связать съ ними опредѣленнаго значенія. Но, по неволѣ, вся моя статья наполнена подобными общими темами и указаніями, требующими подробнаго развитія. Мнѣ очень жаль, что авторъ письма остановился только на одной изъ этихъ темъ, и то лишь для того, чтобы голословно ее отрицать.

Письмо оканчивается слѣдующимъ образомъ:

„Л. Н. Толстой—великій, сильный умъ, гениальный художникъ „(кто же когда это отрицалъ?), но умъ, безспорно, заблуждаю- „щийся, а потому одно сантиментальное поклоненіе его таланту „болѣе, чѣмъ неумѣстно,—оно преступно. Людямъ, для которыхъ „истина дороже всякаго земного кумира, слѣдовало бы, вмѣсто

„курения еиміама, отъ котораго Толстому и такъ нездоровится, „непрестанно ему указывать, что путь, на которомъ онъ стоитъ „и на который увлекаетъ другихъ,—путь погибельный. Это было „бы лучшимъ способомъ выраженія къ нему любви и уваженія, „какъ къ великому русскому писателю и великому русскому „человѣку“.

„Одинъ изъ смертныхъ“.

Очевидно, это очень искренній патетическій тонъ, и я не могу не сожалѣть, что возбудилъ такое негодованіе. Но прошу пожалѣть и меня. Почему же не обращено вниманія ни на одно мое разсужденіе, ни на единую связь моихъ мыслей? Какъ писать, когда вся точность выраженій, вся строгость и сдержанность выводовъ исчезаетъ передъ глазами читателя, и онъ видитъ только «восторженный панегирикъ», «сантиментальное поклоненіе», «курение еиміама?» Прошу извиненія; можетъ быть, въ моей статьѣ очень слабы тѣ качества, на которыя я указалъ; но я очень старался достигнуть этихъ качествъ, и мнѣ грустно, что и эти старанія остаются незамѣченными.

Кто-то мнѣ сказалъ, что мои *Толки* есть только «адвокатская рѣчь». Пусть и такъ, но, надѣюсь, не въ смыслѣ всякой лжи и натяжекъ, какими ославили себя адвокаты, а лишь въ томъ смыслѣ, что у меня берется только одна сторона дѣла. Дѣйствительно, я пытался опредѣленно указать *положительныя* стороны явленія, которое всѣхъ занимаетъ. Но вѣдь эти стороны—самыя важныя и для пониманія предмета, и для практическаго къ нему отношенія. Совершенно напрасно мы вѣчно спрашиваемъ объ одномъ: *кому слѣдуетъ?* Требуется, напротивъ, знать, *въ чемъ* мы обязаны слѣдовать каждому, кому бы то ни было? Порицать Толстого—дѣло почти вовсе бесплодное; нужно, напротивъ, имъ пользоваться, нужно уловлять для себя огонь и свѣтъ, которыми шередъ нами горитъ эта душа.

16 декабря 1891 г.

Н. Страховъ.